

М. Ешов

Посылаю Вам копию нашей обличительной
догматической выкладки. Она значительно
подробнее, чем то, я вчера Вам рассказывал.
○ Делано и их на основании тех обвине-
ний, которые были введены в 3/4 и т.д.
всаобуден в Косенора и ретинских аидеа-
ных плаваришес. (Они посланы в Харьков 1/11
франкофранко).

Я думаю, что все, что сказано в обличительной
ПТ выкладке в Вильнуше уже проведено и
сможет Вам подтвердиться. Обличительная
ведь совершенно конкретна со ссылками на
исследования и исследования, сделанные в Киеве.

○ Что касается обвинений в связи с контр-
революционером, поименованным, франкофранко
и Винакурном, то мне кажется, что
дело надо еще раз перепроверить с самого
начала — с квалифицированного адреса
всех трех арестованных.

Ведь в этом вопросе должно быть также
положение, что имена в ПТ выкладке

Основным доказательством этого шага
(наименее известная сторона) не
должно мне представлять верным
это, говоря правду, но верить
и своей многолетнему пред-
ставлению об мне

Забудь так резко мнение свое
и научись надо быть абсолютно
уверены в том что все эти пре-
ставления компрометируются
говоря правду, а не злословием
(это именно от говоря и важно не
знать так как доказано ^{будет})

Очень важно быть оклеветанным
и достать к себе раз очень трудно
и скорее и тщательнее разрабатывать
данное дело и не быть довольным
реабилитацией.

Скажут тебе /Коробов/

Коссиор
5 ноября 1934 г.

Москва.

т. ПОСТЫШЕВУ П. П.

и остальным членам Политбюро.

Когда 5-го ноября на П. В. т. Коссиор мне сказал, что имеются показания трех активных троцкистов: Наумова, Винокура и Фалькевича о том, что я с ними связан и сказал, что ЦК мне больше не верит, я в течение этих 15-20 минут пока разбиралось дело ничего Вам об"яснить не мог. Я просил верить - мне отвечали, что не верят. Я помню, что т. Любченко удивлялся как я реагировал. Я стоял перед Вами оклеветанный - клевете верили, врагам верили, мне не верили. Тогда да и вчера я был в таком состоянии, что не мог бы Вам дать никаких пояснений - сделаю это сейчас. Меня обвиняют, как я понял со слов т. Коссиора в том, что я насаждал в облпланы троцкистов, в частности, в Харьковский послал Бадона, Хуторяна, Винклер, что я послал в Донбасс Крикова и просил ему создать условия, что я направлял кого-то в Луганск, что в Госплане я держал Наумова, Мягкову и голосовал против исключения из партии Ефимова, что я был связан с контр-революционной троцкистской организацией Наумова, Винокура и Фалькевича, что показали все трое арестованных - это, конечно главное.

1/ Когда формировали облпланы меня почти 3 месяца в Харькове не было, это ведь очень легко восстановить. Я был безвыездно на хлебоготовках в Мелитопольщине. Никого в области /кроме Гербера в Винницу/ я не направлял. Среди руководящих работников Госплана есть многие, которые это легко вспомнят и подтвердят. Бадона и Хуторяна я всегда считал болтунами, мое отношение к ним в Госплане известно многим. Винклер я считал

24
24/121

не плохим работником. В облплан я их не посылал. т. Загер я надеюсь что подтвердит. Ни с одним из них никаких разговоров не вел ни во время их пребывания в Госплане, ни после их перехода в облплан. За последние 2 года ни с кем из них ни разу не встречался.

2/ В Луганск ни на постоянную, ни на временную работу в Горплан, ни в другое учреждение никого никогда не направлял.

3/ Крыжова и Портного в Донбасс направлял т. Дудник, он из обоих не любил за заносчивый характер. В Госплане осталось много работников, которые это помнят /т. Сальман, Супоницкий/. Летом этого года зашел ко мне т. Иванов и сказал, что он хочет выдвинуть Крыжова предоблплана, если я не дам кого покрепче. Он сказал, что Крыжова звели в Обком и Президиум Облисполкома. Я ответил, что у меня нет подходящей кандидатуры на облплан и что ее надо искать на стороне, что Крыжов с очень большим самомнением и слишком самоуверен. Я рассказал т. Иванову, что почти ежедневно к т. Козьре /начальник Афу/ приходят семьи Крыжого и Портного и просят, чтобы их не выселяли из коммунара. Я сказал, что раз работники у Вас надо брать семьи и создавать условия для работы. Дословность разговора т. Иванов всегда подтвердит.

4/ Когда я пришел в Госплан, - в Госплане было очень много бывших троцкистов - это не то что остался сейчас один Крамер. Мягкову не я принял на работу /я вообще первое время к кадрам не имел никакого отношения/ т. Шмидт, секретарь райкома в Лубнах - это знает. На бюро ячейки, когда обсуждалось заявление Мягковой о принятии ее в партию, я заявил, что само выступление Мягковой есть рецидив троц-

23
28 1929

кизма и голосовал против принятия в партию - т.Шмидт тогда председательствовал. Мягкова была в Госплане 2 - 3 месяца.

5/ Вы, Павел Петрович, говорили, что я голосовал против исключения Ефимова из партии, а за строгий выговор с предупреждением - этого факта совершенно не помню. Ефимова исключали в 1931 г. за статьи в "Господарство Украины". Куда ушел работать после Госплана Ефимов и где он сейчас не знаю и никогда не интересовался.

6/ О Наумове. За Наумова в 31 году дрались Госплан в лице т.Дудника и т. Шлихтер от Зуамлина. В Госплан Наумов шел на большую работу над второй пятилеткой - он ведь тогда возглавлял экономистов Зуамлина. Вскоре выяснилось, что Наумов негоден для работы, не может ее поставить на практические рельсы /возможно, что не хотел/ и набрал состав бюро пятилетки очень ненадежный. В середине 33 года /апреле/ его с работы в Бюро пятилетки сняли и перевели сперва в сектор науки, потом в сектор легкой промышленности. Бюро второй пятилетки первый раз чистил я в 32 году / убрал Бойм, Абраменко/, а потом комиссия ЦК в 33 году. Одного из вычищенных Богорада - т. Загер принял к себе на работу, я ему звонил и сказал, что его надо снять с работы - он его потом снял.

Около года тому назад я с т. Любченко ездили в Москву. Зашла речь о Наумове - я сказал, что в секторе легкой промышленности Наумов меньший толмудист, чем в Бюро второй пятилетки. Тов. Любченко сказал, что он не считает Наумова и Туца большевиками - я с ним согласился. Тогда же, т.е. примерно 11 месяцев тому назад я говорил т. Сальману /кажется присутствовал и т. Супоницкий/, что считаю Наумова и

~~24~~ ~~25~~

Туна не большевиками - / а теперь обвиняют меня в сообществе с Наумовым/. т. Зальман недавно вспоминал этот наш разговор. За 1½ месяца до чистки в Госплане Зуамлин начал просмотр работ Наумова и обнаружил большую троцкистскую контрабанду. Тогда же комитет Госплана связался с комитетом Зуамлина, а я зашел в ЦК к тов. Попову Н.Н. и спросил его нет ли из ЦК материалов о Наумове, так как мы ставим вопрос о его работе. Тов. Попов сказал, что никаких материалов ЦК о Наумове нет. Через неделю он по телефону мне ответил то же самое.

Зы, Павел Петрович, считаете, что я не должен был обращаться к тов. Попову в поисках материала, а я считаю, что я поступил правильно. Тогда же я спрашивал тов. Сапова, нет ли в Горкоме материалов о Наумове и там ^{не} оказалось. /тов. Сапов и тов. Попов наш разговор на П. Бюро подтвердили/. За полмесяца до чистки в Госплане, мы поставили на Комитете вопрос об исключении Наумова из партии. За час до заседания звонок из Культпропа ЦК и тов. Орлов от имени тов. Попова передает секретарю комитета, тов. Злобинскому, что исключать Наумова на комитете не надо, а передать вопрос на чистку. Я со Злобинским решили, что все же на комитете вопрос надо оставить, но исключить Наумова на чистке. На чистке Наумова исключили - чистка Наумова проходила "на большой теоретической и политической высоте", как отметила комиссия по чистке. Я был в это время в Москве в союзном Совнаркоме, проходил III-й квартал, но вопрос со мной был согласован и заранее предрешен. Я комиссии по чистке дал отрицательную характеристику Наумова и по ^{самостоятел} работе в Госплане - т. Шпилевой наверно помню.

Наумов за месяц до чистки просил отпустить его, он хотел как Левик попасть на завод. Я тогда ему сказал, что пока дело в Зуамлине по обвинению его в протягивании троц-

40 24
124

кистских взглядов не будет разобрано, он никуда не может уходить. О том, что Чаумов принадлежал к троцкистской контр-революционной организации, мы тогда никто не догадывались и его в этом не подозревали.

Все изложенное легко проверить. Есть живые люди, преданные члены партии, - они ведь все подтвердят. Я бывших троцкистов не только не привлекал, но очищал от них Госплан. Недавно всплыл вопрос о привлечении Фраткина из Винницкого Облплана на работу в Госплан - поставил вопрос секретарь комитета тов. Сальман, но предупредил, что он бывший троцкист - я сразу отвел его кандидатуру. Инструктора торгово-советско-промышленного отдела ЦК/ фамилию не помню, она обследовала плановый институт/, предложила на кадры в Госплан взять Волного, его очень рекомендовала мне, тов. Сальман, и Зольман сказал, что он бывший троцкист и я его на работу не взял. Больше случаев, когда бы стоял вопрос о привлечении на работу кого либо из бывших троцкистов не помню. Тов. Кацнельсон и напрасно ^{и неправда} отделяет меня от партийного комитета Госплана - он, де, боролся с троцкистами, а я нет. У меня с комитетом не только конфликтов, но и расхождений не было. Работали дружно, я был членом комитета и подняли не только авторитет Госплана /сейчас о Госплане, как о богадельне, никто не говорит/, но и авторитет парторганизации Госплана, а ведь он был когда то на низком уровне.

О Васехес - о том, что она бывшая троцкистка в Госплане, мне кажется, никто не знал. Она всегда получала непосредственно в ЦК билеты на все Пленумы ^и собрания партактива. Выбиралась постоянно в Бюро ячейки. Работала она по угляю сперва хорошо, а потом сильно отстала в работе /объясняли мы это отъездом от Донбасса с переездом треста в Артемовск/.

Когда в этом году в секторе энергетики т. Сулоницкий начал вводить новые более оперативные методы работы и подтягивать сектор, Базехес оказалась в хвосте у беспартийных, перестраивалась медленнее всех. У нее произошел конфликт с Сулоницким. По существу т. Сулоницкий был абсолютно прав, но излишне горячился. Базехес я с работы снял и из Госплана уволил. Уволил за плохую работу, а не как бывшую троцкистку - о том, что она бывшая троцкистка я до 3/ХІ-34 г. не знал.

Перехожу к основному вопросу, к заявлению Наумова, Зиноккура и Фалькевича, что я с ними в их контр-революционной работе был связан. Что я могу сказать об этой клевете: с Фалькевичем я не знаком, Зиноккура до 1924 г. не встречал, в 1924 г. знал как аспиранта Артемовки и после 1924 г. ни разу не встречал. Наумова видел почти каждый день в Госплане с 1921 года, но кроме служебных никаких разговоров не вел. Почему они все трое говорят, что я через Наумова с ними связан. Я об этом все время думаю. У меня есть пятно, в прошлом я почувствовал оппозиции, Наумов, видимо, надеялся, что если сказать, что я опять пришел вспять к оппозиции, предал партию - легче поверят. Зачем это им нужно было? Возможны два варианта: или Наумов, чтобы придать вес той организации, которую он создавал называл мое имя тем кого вербовал, ^{или} обо мне арестованные контр-революционеры говорили для того, чтобы запутать дело, запутать известных лиц, вселить деморализацию.

Я готов одной ставкой с этой сволочью, каким угодно иным способом доказать свою правоту, свою невиновность, непричастность к контр-революционной организации. Я очень жалею, что нехбм

49 215 126

не было т. Балицкого, он до конца раскопал бы это дело и не попал бы я в число предателей партии - клевете бы не поверили. Я глубоко убежден, что этими же днями мне удастся доказать свою невинность, что мне опять будут так верить как верили до сих пор. Я ведь партии, ЦК не сказал ни одного слова неправды, даже тогда, когда был в оппозиции. Я никогда не врал и не вру. Жутко тяжело об этом писать и переживать.

О старых заслугах я не буду говорить, это дело прошлого. Это не имеет сюда никакого отношения, но я хочу говорить о работе последних лет. Я работал много, работал хорошо, я ставил вопросы, большие вопросы.

В конце января 1932 г. я из Мелитополя написал письмо тов. Коссиору о том, что существующая система хлебоготовок не стимулирует лучшие колхозы, что надо перейти к хлебопоставке, независимой от высоты урожая. В марте того же года я об этом ему говорил устно. Тов. Коссиор на это внимания не обратил / тов. Любченко это знает, я ему тогда не рассказывал об этом/. Я поехал в Москву и обо всем подробно рассказал тов. Ворошилову - он этим вопросом очень заинтересовался. Система хлебоготовок изменена была через год, я сигнализировал, хотел помочь ЦК. Тогда же в январе-февреле 1932 года /когда образовались области/ я раскрыл исключительную засоренность партячек степи /сирогозовский, лепетихский, белозерский район/ кулаками. Многие партячейки были у них в плену. Я принялся за их чистку /тов. Темкин ^{Коссиор} работает в ЦК, это хорошо знает, сам помогал/. Я писал об этом тов. Коссиору, рассказывал тов. Строганову и тов. Любченко об этом. Ставил как большой вопрос, как один из основных вопросов нашей работы на селе. Один т. Любченко внимательно к этому отнесся.

но вопрос так и не был поставлен до приезда Павла Петровича, т.е. до весны 33 г. Тогда в докладе на Пленуме тов. Коссиор, говоря о засоренности ячеек степи как раз назвал те районы, о которых я ему писал и рассказывал.

Недавно 30 авг. 1934 г., когда я с тов. Коссиором ехали в Харьков, я ему подробно рассказывал о настроениях Политотделов Винницкой области в отношении хлебопоставки. Я тогда же говорил, что надо срочно принять меры в отношении политотделов, ударить по настроениям для того, чтобы обеспечить выполнение плана хлебопоставок. Я все время ставил вопросы о работе и строительстве в погранполосе. Я ставил массу других больших хозяйственных и политических вопросов - что же это делал враг, предатель, двурушник? Я работал много, ум у меня ошибок по работе почти нет. А ведь все время в СНК я вносил то то, то иные предложения. Недавно я поставил вопрос, что урожай зерновых на 1935 г. нельзя ставить выше 10 центнеров и что жхи НКЗ, понимая решения последнего Пленума ЦК КП/б/У формально неправильно ставит 11,2 ц. Мне товарищи по работе говорили, что я иду против решения Пленума - я ставил вопрос, ибо считал, что выше 10 ц. нельзя планировать. ЦК сейчас принял 9,5 ц. Человек, чувствуя за собой вину или преступление, или желавший вредить партии, не ставил бы такие вопросы. Все тяжелые годы я был на хлебозаготовках. Был одним из наиболее активных. Мою работу видали, проверяли. После каждой поездки я в ЦК ставил много вопросов нужных, полезных - все это враг делал? Как легко поверили клевете. Ведь у каждого из Вас было представление обо мне, все знали, что я добросовестный работ-

28
~~44~~ 128

ник, всегда говорю партии только правду, не брешу /что все оппозиционеры и двурушники делают/ в трудную минуту для партии иду на трудные участки и вот все идет на смарку, сволочам верят, а мне нет. Своему представлению обо мне тоже не верят. Чудовищно тяжело. Я ведь не случайный человек в партии - свыше 21 года активно в ней работал, последние годы был на таких местах и работах, трудных работах /НКЗ, Госплан/, где все ошибки были бы видны. Были ли они - пусть судят товарищи, пусть т.т. Либченко, Чубарь скажут - ведь 3/4 материала шло для СНК.

Мне доверяли, я это очень ценил, старался оправдать доверие. Меня раз уже пробовали оклеветать. Было это в начале 1928 г. Фашисты и националисты из КПСУ, с которыми я боролся, написали в ЦК КП/б/У, что я разлагаю партию, веду к расколу, что я привлекаю мало надежных людей. Дело разбиралось на Пленуме КП/б/У. (Я не был тогда в Харькове). Тов. Каганович взял полностью меня под защиту. Сейчас вопрос совсем ясен - Турянские, Васильковы и к-о оказались ставленниками дефензивы.

Враги опять клеветают, я уверен, что клевета скоро вскроется, а сейчас очень тяжело, обидно, не заслуженно получил страшный удар.

Я не враг, не предатель, не двурушник. Я всем моим существом преданный партии человек.

Твердо убежден, что скоро, совсем скоро мне попрежнему будут верить в партии, будут верить // в ЦК, как верили до сих пор

Москва, 5-го ноября 1924 г.

(Каганович)